

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 01(45)

2021

ФЕВРАЛЬ

ISSN 2412-8228

СООТВЕТСТВУЕТ
ГОСТ 7.56-2002

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

• СВИДЕТЕЛЬСТВО РОСКОМНАДЗОРА ПИ № ФС 77 - 62020 •

ИЗДАТЕЛЬСТВО: «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](https://www.scienceproblems.ru)
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
[HTTPS://WWW.LEGALSCIENCE.RU](https://www.legalscience.ru)

9 772412 822006

ISSN 2412-8228 (Print)
ISSN 2541-7800 (Online)

Отечественная юриспруденция

№ 1 (45), 2021

Москва
2021

Отечественная юриспруденция

№ 1 (45), 2021

Российский импакт-фактор: 0,19

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Ефимова А.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Боброва Н.А. (д-р юрид. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия),
Жамулдинов В.Н. (канд. юрид. наук, Казахстан), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р
ист. наук, Россия), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд.
филос. наук, Узбекистан), *Акбулаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика),
Аликулов С.Р. (д-р техн. наук, Узбекистан), *Ананьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина),
Асатурова А.В. (канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан),
Байтасов Р.Р. (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакико И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и
спорту, Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филос. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук,
Россия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Боброва Н.А.* (д-р юрид. наук,
Россия), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Бородай В.А.* (д-р социол. наук, Россия),
Волков А.Ю. (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Гарагонич
В.В.* (д-р ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Гринченко В.А.*
(канд. техн. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд.
филос. наук, Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук,
Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р филос. наук, Россия),
Доленко Г.Н. (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филос. наук, Казахстан), *Жамулдинов
В.Н.* (канд. юрид. наук, Казахстан), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика),
Зеленков М.Ю. (д-р полит. наук, канд. воен. наук, Россия), *Ибадов Р.М.* (д-р физ.-мат. наук,
Узбекистан), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия), *Кайракбаев А.К.* (канд. физ.-мат. наук,
Казахстан), *Кафтаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Киквидзе И.Д.* (д-р филос. наук, Грузия),
Клинов Г.Т. (PhD in Pedagogic Sc., Болгария), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филос. наук, Казахстан),
Ковалёв М.Н. (канд. экон. наук, Белоруссия), *Кравцова Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан),
Кузьмин С.Б. (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филос. наук, Россия), *Курманбаева
М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаяниди К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-
Даниельс Н.А.* (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиенко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров
А. Н.* (д-р филос. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р
экон. наук, Кыргызская Республика), *Мурадов Ш.О.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Мусаев
Ф.А.* (д-р филос. наук, Узбекистан), *Набиев А.А.* (д-р наук по геоинформ., Азербайджанская
Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Наумов В. А.* (д-р техн. наук,
Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук, Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения,
Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Рахимбеков С.М.* (д-р техн. наук,
Казахстан), *Розьходжаева Г.А.* (д-р мед. наук, Узбекистан), *Романенкова Ю.В.* (д-р
искусствоведения, Украина), *Рубцова М.В.* (д-р социол. наук, Россия), *Румянцев Д.Е.* (д-р
биол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук,
Украина), *Селитренникова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук, Россия),
Скрипко Т.А. (д-р экон. наук, Украина), *Сопов А.В.* (д-р ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р
физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед. наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд.
техн. наук, Россия), *Сулейманов С.Ф.* (канд. мед. наук, Узбекистан), *Трезуб И.В.* (д-р экон.
наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия),
Федоськина Л.А. (канд. экон. наук, Россия), *Хилтухина Е.Г.* (д-р филос. наук, Россия),
Цицупян С.В. (канд. экон. наук, Республика Армения), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия),
Шамишина И.Г. (канд. пед. наук, Россия), *Шаринов М.С.* (канд. техн. наук, Узбекистан),
Шевко Д.Г. (канд. техн. наук, Россия).

Подписано в печать:

12.02.2021

Дата выхода в свет:

16.02.2021

Формат 70x100/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,73

Тираж 1 000 экз.

Заказ № 3845

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Проблемы науки»

Территория

распространения:

зарубежные страны,

Российская Федерация

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по

надзору в сфере связи,

информационных

технологий и массовых

коммуникаций

(Роскомнадзор)

Свидетельство

ПИ № ФС77 - 62020

Издается с 2015 года

Свободная цена

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	4
<i>Булаев Ш.Р.</i> ПРИНЦИПЫ ВЗИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ.....	4
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	9
<i>Лагунова И.С.</i> ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	9
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	14
<i>Старчкова С.Г.</i> ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДОГОВОРНОЕ ПРАВО	14
<i>Баскаков К.И.</i> ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ СЛАБОЙ СТОРОНЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ	18
<i>Милехин Д.С.</i> ИЗМЕНЕНИЕ АКЦЕССОРНОСТИ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	22
<i>Лапина Е.А.</i> К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ	25
<i>Лапина Е.А.</i> К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА	28
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	31
<i>Каменев Д.А.</i> К ВОПРОСУ ОБ АСИММЕТРИИ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	31
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	36
<i>Кодилова Е.Д.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	36
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.....	40
<i>Говорова В.В.</i> РОЛЬ КАДАСТРОВОГО ИНЖЕНЕРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ	40
<i>Саая Н.-Б.Б.</i> СУДЕБНАЯ ЭТИКА, ЕЁ ИСТОРИЯ	42

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ПРИНЦИПЫ ВЗИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ Булаев Ш.Р.

*Булаев Шамиль Раджабулахович – магистрант,
кафедра финансового права,
Российский государственный университет правосудия, г. Москва*

Аннотация: в статье рассматриваются принципы взимания государственной пошлины. Определяется значение названных принципов, так как их трудно переоценить, поскольку они не только выполняют роль регулятора налоговых отношений в случае нормативных пробелов налогового законодательства, но и формируют правовое мышление и правовую культуру налогоплательщиков, обеспечивая органическое единство и логическую системность налогово-правового регулирования.

Ключевые слова: публичные финансы, налог, сбор, государственная пошлина, плательщик, налогоплательщик, принципы.

УДК 330, 378

Результативность института государственной пошлины в значительной степени зависит от того, какие принципы государство закладывает в его основу. Иначе говоря, эффективность регулирования общественных отношений в сфере взимания государственной пошлины существенно возрастает, если оно осуществляется на принципах налоговой политики, поскольку предусматривает целенаправленную и последовательную деятельность на основе научно обоснованных способов, средств и приемов достижения стратегических целей и тактических задач государства и общества, и, как следствие, максимально снижает спонтанность, непредсказуемость, отклонение от намеченных целей. В то же время анализ применения указанных принципов на практике позволяет выявить недостатки и определить в дальнейшем пути совершенствования в регулировании взимания государственных пошлин. Основываясь именно на важнейших принципах взимания государственной пошлины, можно задать векторные направления для улучшения института государственных пошлин, что не только позволит повысить эффективность взимания государственной пошлины, но и будет способствовать развитию экономики в целом.

Необходимо отметить, что в философском смысле «принцип» (лат. – первооснова, основа) - 1) исходное, такое, что не нуждается в доказательствах, положение теории (то же, что аксиома или постулат); 2) внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения; «То же, что и основание, то есть то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов или значений»¹.

Принципы взимания государственной пошлины – это идеи, которые являются основой для формирования и функционирования системы функционирования налоговых платежей². В то же время принципы относятся, скорее всего, не к налоговой системе, а к социальной среде, которая поддерживает эту систему и способствует одновременно как ее устойчивости, так и динамизму. Как известно, впервые предложил правила, которые необходимо соблюдать при формировании

¹ Экономика налоговых реформ: монография / под ред. И.А. Майбунова и др. Киев: Алерта, 2013. С. 172.

² См.: Ордынская Е.В. Трансформация налоговой системы в период кризиса: российский и зарубежный опыт: монография. М.: Проспект, 2017.

налоговой системы (определенности, удобства), А. Смит¹. В дальнейшем многие исследователи дополнили и расширили сформулированные Смитом основные принципы взимания налогов и налоговых платежей.

А. Вагнер одним из первых обосновал необходимость введения принципа фискальной достаточности - налогообложение должно основываться на таких основах, чтобы обеспечить достаточный объем средств для бюджета². Принцип достаточности А. Вагнер поставил во главе всех принципов налогообложения, считая, что общественно-хозяйственная система необходима для всех людей и налоги должны обеспечивать достаточные средства для функционирования этой системы. Этот принцип объединяет индивидуалистские (в интересах плательщиков) и государственные (в интересах бюджета) основы функционирования налоговой системы.

Общие принципы налогообложения изложены в статье 3 НК РФ, которая именует их основными началами законодательства о налогах, сборах и страховых взносах. Они следующие: принцип законности, принцип всеобщности и равенства, принцип соразмерности, принцип единства налоговой системы Российской Федерации, принцип определенности налогообложения.

Значение названных принципов трудно переоценить³, поскольку они не только выполняют роль регулятора налоговых отношений в случае нормативных пробелов налогового законодательства, но и формируют правовое мышление и правовую культуру налогоплательщиков, обеспечивая органическое единство и логическую системность налогово-правового регулирования.

Вместе с тем, необходимо понимать, что характер государственной пошлины предполагает использование несколько других принципов при взимании данного сбора, нежели те, которые применяются при налогообложении. Учет платежеспособности лица в этом случае не может быть определяющим, поскольку приведёт не к установлению равенства, а к его нарушению – лица, получающие одну и ту же услугу, платили бы разные суммы пошлины. Поэтому размер государственной пошлины определяется исходя из характера и размера услуги (принцип эквивалентности) и устанавливается, как правило, в конкретной сумме. Денежная сумма может быть неэквивалентна расходу, понесенному в связи с оказанием услуги. Однако это не означает абсолютной свободы при определении размера платежа.

Размер государственной пошлины должен быть обоснован. При определении его суммы нельзя исходить лишь из финансовых соображений — размеры суммы необходимо сопоставлять с целями, ради которых установлен платеж. В тех случаях, когда платеж с разумной точки зрения несопоставим с выгодой, полученной плательщиком, или с расходом, понесенным государственным органом, пошлинный принцип следует считать нарушенным.

Размер пошлины не должен ограничивать возможность граждан использовать основные конституционные права, возможность получать от государственных органов те или иные услуги, поскольку эти права предоставляются гражданам вне всякой зависимости от внесения каких-либо платежей.

Возвращаясь к принципу равенства, следует отметить, что эта идея является одной из важнейших в демократическом обществе. Одной из главных функций современной

¹ См.: Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations by Adam Smith, edited with an Introduction, Notes, Marginal Summary and an Enlarged Index by Edwin Cannan. London: Methuen, 1904. Access Mode: <http://oll.libertyfund.org/titles/smith-an-inquiry-into-the-nature-and-causes-of-the-wealth-of-nations-cannan-ed-in-2-vols> (дата обращения.: 15.10.2020).

² См.: Айдаева Д.З. Принцип регулярности пересмотра налогового законодательства в государствах общего права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Айдаева Дина Зиявдиевна. М., 2017. С. 25-27.

³ См.: Финансовое право: учебник для бакалавров/ под ред. И.А. Цинделиани. 3-е изд. М.: Проспект. 2020. С. 294-295.

этики и философии права является достижение равенства, а не утверждение неравенства. Идея справедливости, несомненно, предполагает, что закон в равной степени распространяется на всех людей в любых ситуациях. Норму, которая применяется именно таким образом, без определенной дискриминации, можно считать воплощением справедливости.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о соответствии положений главы 25.3 НК РФ принципу равенства, статьи которой предусматривают несколько дифференцированный подход к взиманию государственной пошлины (предоставление льгот отдельным категориям физических лиц и организаций (статьи 333.35, 333.36, 333.37, 333.38, 333.39 НК РФ), возможность отсрочки и рассрочки уплаты государственной пошлины (статья 333.41 НК РФ)).

Одним из важных аспектов современного понимания принципа формального равенства перед законом является дифференцированное отношение к субъектам, с учетом их индивидуальных особенностей. Иначе говоря, это означает необходимость одинакового обращения со всеми лицами и организациями, которые по определенным причинам относятся к определенной категории. Также равное обращение со всеми требует принятия специальных мер защиты отдельных слоев общества для того, чтобы дать им возможность защищать и реализовать свои права наравне с другими. Именно в таком случае формальное равенство согласуется с концепцией социальной справедливости.

Особенность государственной пошлины заключается в специфическом регулировании льгот по этому платежу. Они привязываются законодателем к конкретным ситуациям, когда уплачивается государственная пошлина. Это затрудняет унификацию льгот по уплате государственной пошлины.

Стоит обратить внимание и на льготы по уплате государственной пошлины в данном случае. В Российской Федерации налоговые льготы систематизированы по признаку уплаты в государственные органы (в судах общей юрисдикции, арбитражных судах, Конституционном суде РФ, органах, осуществляющих нотариальные действия и др.)¹. Приведенная классификация имеет как свои плюсы (удобное расположение норм, простое ориентирование), так и минусы (не охватывает физических лиц с особым статусом как льготных плательщиков, поэтому отдельные категории граждан, имеющих льготы при уплате государственной пошлины в соответствии с другими нормативными актами, выделены законодателем в отдельную часть - первую) и поддерживается российскими учеными.

Действующее законодательство РФ содержит правовые нормы, предусматривающие уменьшение размера уплаты государственной пошлины, полное освобождение от её уплаты или её уплату на льготных условиях. Среди таких норм можно назвать:

- 1) положения, предусматривающие освобождение от уплаты государственной пошлины;
- 2) положения, предусматривающие возможность отсрочки и рассрочки уплаты государственной пошлины. Налоговое законодательство не содержит прямого указания на основания, по которым может быть предоставлена отсрочка или рассрочка уплаты государственной пошлины. Статья 333.41 отсылает к ст. 64 НК РФ, которой в целом устанавливаются основания для предоставления отсрочки или рассрочки по исполнению любой обязанности уплаты налога или сбора.

Вместе с тем, основаниями для отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины может быть одновременно неудовлетворительное имущественное положение лица, которое возникло, к примеру, в результате причинения плательщику госпошлины ущерба в результате стихийного бедствия, технологической катастрофы или иных обстоятельств непреодолимой силы или угроза возникновения признаков

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 3. С. 33.

несостоятельности (банкротства) при единовременной уплате госпошлины (пункт 2 статьи 64 НК РФ).

Наличие таких оснований должно быть подтверждено надлежащими и допустимыми доказательствами, приложенными к ходатайству (пункт 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.03.1997г. № 6¹).

Документами, подтверждающими имущественное положение заявителя, могут быть следующие:

1. Справка из налогового органа об открытых счетах, подтверждающая конкретный перечень счетов заявителя;

2. Выписка по тем счетам, которые указаны в справке как "открытые", показывающая, что счета пусты, либо денежных средств недостаточно, либо счета заблокированы и т.д.;

3) положения, предусматривающие предоставление льгот.

Например, согласно статье 333.36 НК РФ льготы по уплате госпошлины предоставляются истцам:

– по искам о взыскании заработной платы (денежного содержания) и иным требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений:

– по искам о взыскании пособий (подпункт 1 пункта 1);

– по искам о взыскании алиментов (подпункт 2 пункта 1);

– по искам о возмещении имущественного и (или) морального вреда, причиненного преступлением (подпункт 4 пункта 1);

– при рассмотрении дел о защите прав и законных интересов ребенка (подпункт 15 пункта 1) и т.д.);

– физическим лицам – при подаче кассационных жалоб по уголовным делам, в которых оспаривается правильность взыскания имущественного вреда, причиненного преступлением (подпункт 8 пункта 1);

– при подаче в суд заявлений об усыновлении и (или) удочерении ребенка (подпункт 14 пункта 1);

– государственным органам, органам местного самоуправления и иным органам – при обращении в суды общей юрисдикции, а также к мировым судьям в случаях, предусмотренных законом, в защиту государственных и общественных интересов (подпункт 19 пункта 1) и т.д.

Необходимо различать случаи освобождения от уплаты государственной пошлины и случаи, когда данный платеж не взимается вообще. Разница заключается в том, что освобождение от оплаты судебного сбора является льготой, предоставляемой законом субъекту, который принадлежит к той или иной категории.

Суды, отказывая в удовлетворении ходатайств об освобождении от уплаты государственной пошлины, чаще всего обосновывают свою позицию отсутствием надлежащих доказательств. Так, к примеру, Верховный Суд Российской Федерации не усмотрел оснований для удовлетворения ходатайства муниципального казенного учреждения «Дирекция по строительству объектов транспортной инфраструктуры г. Ростова-на-Дону» об освобождении от уплаты государственной пошлины на основании подпункта 1.1 пункта 1 статьи 333.37 Налогового кодекса Российской Федерации, поскольку учреждение не представило доказательств участия его в арбитражном процессе, в связи с защитой им государственных и (или) общественных, то есть публичных интересов в сфере возложенных на него функций, и может

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.03.1997 г. № 6 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства Российской Федерации о государственной пошлине» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005 г. № 12 (Специальное приложение «Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (1992 - 2005 годы)»).

претендовать на освобождение от уплаты государственной пошлины на основании подпункта 1.1 пункта 1 статьи 333.37 НК РФ¹.

В контексте принципов справедливости и верховенства права формальное равенство нельзя рассматривать в его упрощенном понимании как установление для всех без исключения одинакового долга по уплате государственной пошлины при обращении в соответствующие органы за совершением в отношении плательщика юридически значимых действий.

Законодатель вполне обоснованно применяет дифференцированный подход к различным группам граждан и организаций путём установления определенных льгот, которые компенсируют, например, финансовую несостоятельность граждан уплатить установленные ставки государственной пошлины при обращении в суд, обеспечивая тем самым доступность правосудия для всех слоёв населения.

Список литературы / References

1. Налоговое право. Особенная часть: Учебник для вузов / С.Г. Пепеляев, П.А. Попов, А.А. Косов и др.; под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Просвещение, 2017.
2. Современная теория финансового права: научные и практические аспекты развития институтов общей части финансового права: материалы междунар. науч.-практ. конференции / ред.: И.А. Цинделиани. М.: Российская академия правосудия, 2012.
3. Финансовое право: учебник для бакалавров / под ред. И.А. Цинделиани. 3-е изд. М.: Проспект, 2020.
4. Экономика налоговых реформ: монография / под ред. И.А. Майбунова и др. Киев: Алерта, 2013.
5. Ордынская Е.В. Трансформация налоговой системы в период кризиса: российский и зарубежный опыт: монография. М.: Проспект, 2017.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2019 № 308-ЭС19-26522 по делу N А53-17024/2019 [Электронный документ] // Документ предоставлен СПС «Консультант Плюс».

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Лагунова И.С.

*Лагунова Ирина Сергеевна - старший преподаватель,
кафедра конституционного и административного права,
Нижегородский институт управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Нижний Новгород*

Аннотация: в настоящее время российское общество переживает новый этап своего развития, связанный с конституционной реформой, проведенной по инициативе Президента Российской Федерации в 2020 году. В настоящее время немалое влияние на осуществляемые изменения в государственной политике России оказывает распространение в мире коронавируса, вместе с тем, в ближайшем будущем, предполагаем, мы более отчетливо увидим реализацию вступивших в силу конституционных поправок. В настоящей статье приведен анализ их содержания и значения.

Ключевые слова: Конституции Российской Федерации, поправки, общество, статус, российское общество, граждане, личность, президент, конституционный статус, реформа.

Сегодня, когда буквально несколько месяцев назад, была принята новая редакция Конституции Российской Федерации (далее - Конституции), мы и все российское общество только начинаем осознавать произошедшие изменения на глубинном уровне социального устройства – конституционном.

По иронии судьбы, столь судьбоносное решение для нашей страны совпало с не менее судьбоносным и трансформирующим общество периодом: карантином в свете пандемии, переходом и переводом работы и образования в онлайн-формат, ограничением свободы передвижения, необходимостью соблюдать масочный режим и др.

В свете этого, на наш взгляд, первым и главным - о чем свидетельствует и вторая статья Конституции Российской Федерации, является вопрос о том, как же данная конституционная реформа и время, когда она была осуществлена, повлияли и еще повлияют на правовой статус личности, развитие общества и государства. Попробуем найти ответ в настоящей статье.

Необходимость принятия поправок к действующей Конституции была определена в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г., и внесенном в Государственную Думу законопроекте о поправке - «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» [1], который и был принят в трех чтениях Государственной Думой, одобрен Советом Федерации и законодательными органами всех субъектов РФ, получил позитивную оценку в Заключении Конституционного Суда от 16 марта, и 17 марта 2020 Президентом Российской Федерации был издан указ «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ» [2]. Итак, Конституция России 1993 г. претерпела чрезвычайно существенную ревизию, масштабы и значение которой еще предстоит оценить обществу.

Изменений в Конституцию Российской Федерации было внесено достаточно много. Анализ их качества приведен ниже. Определим основные смысловые группы поправок:

- основы государственного устройства России;
- социальные гарантии, основы социальной политики государства;
- конституционный статус и полномочия Президента Российской Федерации;
- статус законодательной власти в России, регламентация законодательного процесса;
- конституционный статус и полномочия Правительства Российской Федерации, исполнительной власти;
- конституционный статус и полномочия судебной власти и прокуратуры;
- конституционные основы организации местного самоуправления в России.

Остановимся более подробно на поправках, касающихся основ конституционного строя Российской Федерации и правового статуса личности.

Основные изменения, определяющие принципы государственного устройства России, характеризуются следующим.

Согласно п. 2.1 ст. 67 Конституции РФ Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются.

В силу новой ст. 67.1 Конституции Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах; участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство (ч. 2 ст. 67.1). [3]

Значительно конкретизируется действие принципа приоритета международного права, определённого в ч. 4 ст. 15. Этот принцип не отменяется, однако закрепляется верховенство Конституции РФ и невозможность использования международно-правовых норм в целях, не совместимых с принципами российской правовой системы. В силу ст. 79 Конституции РФ решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Вопросы о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации, разрешаются Конституционным Судом РФ (п. "б" ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ).

В силу ст. 79.1 Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Государство чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ).

Согласно новой редакции п. 1 ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством (ч. 4 ст. 68 Конституции).

Государство охраняет культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ) [3].

Основные изменения, непосредственно затрагивающие права человека, характеризуются следующим.

В текст Конституции Российской Федерации была введена ст. 67.1, часть 4 которой предусматривает, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Согласно ч. 2 ст. 69 Конституции государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Согласно ч. 3 ст. 69 Конституции Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Поправки, относящиеся к этой группе, сосредоточены преимущественно в статьях Конституции РФ, регулирующих вопросы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и её субъектами и устанавливающих полномочия Правительства РФ.

Согласно новой ст. 75.1 Конституции РФ в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Статья 75 Конституции дополнена нормами, посвященными основам социальной политики государства.

Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации. В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом.

В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат.

Согласно новой редакции п. "е" ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится установление единых правовых основ системы

здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования. В совместном ведении Российской Федерации и её субъектов находятся координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи; сохранение и укрепление общественного здоровья; создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение (п. "ж" ч. 1 ст. 72 Конституции). Органы местного самоуправления в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи (п. 1 ст. 132 Конституции).

Субъективным правам и свободам корреспондируют полномочия органов государственной власти и государственных органов. Так, среди новых полномочий Правительства Российской Федерации, связанных с правовым статусом человека, можно выделить:

- содействие развитию предпринимательства и частной инициативы;
- обеспечение реализации принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений;
- осуществление мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным;
- создание условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры [3].

Реальность социальной жизни такова, что заявленные направления социальных гарантий пока воплощаются медленно.

Анализируя качество внесенный в Конституцию Российской Федерации поправок, отметим в них не были закреплены хоть «высшие ценности», понимаемые, как отмечает Б.С. Эбзеев, как «тип согласования интересов общества и личности, государства и гражданина» [4, с. 15].

Кроме этого, в поправках не отражены нормы, детерминирующие принципы «единой системы публичной власти», а также расширяющие реальные «возможности местного самоуправления» [5, с. 88-91].

Таким образом, на наш взгляд, внесенные в Конституцию Российской Федерации поправки не задают существенно прогрессивное направление развития российского общества, так как не отражают идеи сплочения народа, ответственности должностных лиц перед обществом, необходимость решения стоящих перед мировым сообществом в целом экологических проблем, ценность развития каждой личности и способствование этому политики государства.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // "Парламентская газета", N 2, 17-23.01.2020 URL: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 "Послание Президента Федеральному Собранию". КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: (consultant.ru) (дата обращения: 11.01.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации от 17.03.20 №188 указ «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: 22 апреля – день голосования по изменениям в Конституции Президент России (kremlin.ru) (дата обращения: 11.01.2021).

3. Обзор изменений Конституции РФ URL: Обзор изменений Конституции РФ (подготовлено экспертами компании "Гарант", июнь 2020 г.) | ГАРАНТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: (garant.ru) (дата обращения: 11.01.2021).
4. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. / Б.С. Эбзеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 656 с
5. *Игнатенко В.А.* Конституционная реформа 2020 года и ее влияние на правовую жизнь российского общества // Междугородный научно-исследовательский журнал. № 4 (94) часть 2. Апрель, 2020. С. 88-91.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Старчкова С.Г.

*Старчкова Светлана Геннадьевна – магистрант,
кафедра гражданского права и процесса,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск*

Аннотация: быстрое и повсеместное распространение коронавирусной инфекции как в России, так и по всему миру, повлекло принятие органами государственной власти различных стран ограничительных мер. В результате значительное число участников экономических отношений были вынуждены приостановить свою деятельность; под угрозой оказалось надлежащее исполнение обязательств. Эта ситуация заставила обратить пристальное внимание на договорное право, рассмотрение которого осуществляется в настоящей работе. В статье автором проведен анализ влияния пандемии COVID-19 на договорные отношения, а также сделаны выводы об изменениях, произошедших в договорном праве.

Ключевые слова: ответственность, исключение ответственности, освобождение от ответственности, непреодолимая сила, эпидемия, чрезвычайная ситуация, карантин, обязательство, договор, ограничение гражданских прав.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 и введение ограничительных мер различного характера позволяют говорить о том, что пандемия стала тем обстоятельством, которое затронуло все сферы жизни общества.

На наш взгляд, наиболее сильное влияние COVID-19 оказал на договорные отношения и договорное право не только в РФ, но и во всем Мире. Изложенное подтверждается тем, что 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о мировой пандемии коронавирусной инфекции, в связи с чем, Правительство и регионы России приняли ряд нормативных актов (Указ Мэра Москвы от 14 марта 2020 № 20-УМ от 5 марта 2020 г. № 12-УМ и др.), изменяющих сложившийся порядок функционирования государства и общества.

Проанализировав существующие нормативные и теоретические источники, связанные с COVID-19, нам удалось определить, что пандемия коронавируса повлияла на договорные отношения с нескольких сторон:

Во-первых, распространение новой коронавирусной инфекции является в настоящих условиях обстоятельством чрезвычайным, непредотвратимым, непредвиденным, повлекшим введение режима повышенной готовности в соответствии с ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Субъекты РФ самостоятельно, путем принятия региональных нормативных актов, признали COVID-19 обстоятельством непреодолимой силы (Москва, Московская, Самарская, Псковская области, Республики Саха (Якутия), Крым, Карелия и др.). Отметим, что не все субъекты РФ согласны с данной позицией, в связи с чем, есть и

такие (Республика Марий Эл, Коми и др.), которые не рассматривают пандемию в качестве непреодолимой силы.

Признание пандемии COVID-19 в качестве непреодолимого, непредотвратимого и чрезвычайного обстоятельства выступает основанием освобождения от гражданско-правовой ответственности.

Указанной позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации. В своем Обзоре № 1, посвященном отдельным вопросам судебной практики, связанными с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 21 апреля 2020 г. [3], Президиум ВС РФ рассмотрел возможность признания коронавирусной пандемии в качестве обстоятельства непреодолимой силы.

В частности, указанный документ закрепляет ряд аспектов, наличие которых сторона должна доказать для последующего освобождения ее от ответственности за неисполнение своих обязательств. В соответствии с вышеизложенным актом субъекту необходимо доказать следующее:

Во-первых, наличие обстоятельств непреодолимой силы и их продолжительный характер;

Во-вторых, наличие причинно-следственной связи между обстоятельствами непреодолимой силы и невозможностью (задержкой) исполнения необходимых обязательств;

В-третьих, субъект непричастен к созданию обстоятельств непреодолимой силы;

В-четвертых, сторона добросовестно принимает меры для предотвращения (минимизации) возможных рисков.

Отметим, что рассматриваемый Обзор ВС РФ № 1 также содержит основания для признания всех решений органов власти, цель которых заключается в предотвращении развития пандемии COVID-19, в качестве обстоятельств непреодолимой силы при условии, что будет установлено их соответствие критериям таких обстоятельств, а также причинная связь между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства. Из указанного разъяснения следует, что причинная связь является одним из обязательных условий освобождения от ответственности на основании п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1] в связи с распространением новой коронавирусной инфекции.

Данный вывод находит подтверждение в формирующейся судебной практике. Именно отсутствие причинной связи между распространением новой коронавирусной инфекции и неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств является наиболее распространенным основанием для отказа в освобождении от ответственности, что может быть проиллюстрировано следующими примерами судебных решений.

Истец обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика задолженности по договору энергоснабжения за декабрь 2019 г., а также пени по день фактического исполнения денежного обязательства. Ответчик возражал против начисления пени с 3 апреля 2020 г. ввиду распространения новой коронавирусной инфекции, как основания для освобождения от ответственности.

Вторым обстоятельством воздействия пандемии коронавирусной инфекции на договорные отношения является вопрос изменения или расторжения договоров в связи с существенным изменением обстоятельств.

Отметим, что существенное изменение обстоятельств в теоретических исследованиях нередко сравнивают с обстоятельствами непреодолимой силы, но все же их различия велики и одним из наиболее значимых выступают юридические последствия.

Рассматривая категорию «существенные изменения обстоятельств», мы обратились к п. 1 ст. 451 ГК РФ, где установлено, что существенное изменение

обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа.

Аналогичное положение устанавливается в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1.

В настоящее время уже существуют судебные акты по данному обстоятельству, где одна из сторон договора, желая его изменить либо расторгнуть, либо отстаивая свои иные интересы, ссылается на обстоятельства коронавирусной инфекции.

Например, в решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 17.09.2020 по делу № А79-4753/2020 [6] покупатель просил признать расторгнутым договор на изготовление и поставку товара и взыскать предоплату. Он ссылался на то, что отказался от договора, поскольку поставщик не исполнил обязательство в срок. Поставщик возражал, указывал, что не смог вовремя изготовить товар из-за ограничительных мер, поэтому срок исполнения надлежит исчислять за вычетом периода ограничений.

Суд установил: поставщик уведомил истца о том, что не сможет изготовить товар до 19.05.2020; позже сообщил, что поставит его не позднее 17.08.2020, однако на дату судебного заседания не представил доказательств исполнения обязательства и причинно-следственной связи между неисполнением и ограничениями. В итоге суд удовлетворил иск.

Аналогичные обстоятельства прослеживаются в решение Арбитражного суда Кемеровской области от 21.09.2020 по делу № А27-15335/2020 [5], в котором истец просил расторгнуть соглашение от 20.01.2020 г. об оказании гостиничных услуг в связи с существенным изменением обстоятельств и вернуть предоплату. Ответчик возражал, указывал, что на момент предоплаты (06.02.2020) уже было известно о распространении коронавируса, он вернул истцу 50% предоплаты, а остальную часть удержал в качестве штрафа в силу условий соглашения.

Суд установил, что истец бронировал номера на июнь 2020 г. для участия в выставке, оплатил услуги до того, как ВОЗ объявила о пандемии, в марте уведомил ответчика об отказе от услуг, как только узнал о переносе выставки в связи с ограничительными мерами, предлагал продлить бронь, т.к. организатор выставки решил перенести ее на июнь 2021 г.

Суд признал изменение обстоятельств существенным, а распространение коронавируса и введение ограничений – непреодолимой силой, расторг соглашение и обязал ответчика вернуть истцу оставшуюся часть предоплаты.

Третьим немаловажным обстоятельством, на которое повлияла пандемия коронавирусной инфекции стали арендные отношения. Арендаторы получили право официальной отсрочки уплаты арендной платы, уменьшение размера арендной платы по требованию и иные преференции, связанные с своим неблагоприятным положением.

В первом случае ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [2] (далее – ФЗ от 01.04.2020 № 98-ФЗ) устанавливает положение о том, что, если договор аренды недвижимости был заключен до того, как в 2020 году орган власти субъекта РФ ввел на его территории режим повышенной готовности (чрезвычайной ситуации), то арендатор получает право обратиться к арендодателю с требованием о заключении дополнительного соглашения, устанавливающего отсрочку уплаты арендной платы, предусмотренной в 2020 году. После полученного обращения арендодатель в течение 30 дней обязан заключить дополнительное соглашение с арендатором.

Отметим, что отсрочка в соответствии с данным законом не предоставляется арендаторам жилых помещений.

Что касается вопроса уменьшения размера арендной платы по требованию арендатора, то в соответствии с ч.3 ст.19 ФЗ от 01.04.2020 № 98-ФЗ арендатор вправе потребовать уменьшения арендной платы за период 2020 г. в связи с невозможностью использования имущества, связанной с введением органами власти субъекта РФ режима повышенной готовности или ЧС на территории региона. Это правило распространяется и на аренду части недвижимой вещи [4, с. 3].

Подводя итог исследованию пандемии коронавирусной инфекции, следует сделать вывод о том, что рассматриваемое обстоятельство в значительной степени нашло свое отражение в договорном праве и повлияло на договорные отношения с нескольких сторон:

1) COVID-19 следует рассматривать в качестве обстоятельства непреодолимой силы, выступающего в некоторых случаях основанием освобождения от гражданско-правовой ответственности;

2) COVID-19 может выступать категорией, которая повлечет изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств;

3) в сфере арендных отношений COVID-19 следует рассматривать в качестве обстоятельства, которое предоставляет арендаторам право официальной отсрочки уплаты арендной платы, право уменьшения размера арендной платы по требованию и др.

Таким образом, делаем вывод, что пандемия коронавирусной инфекции в настоящее время является новым и непривычным обстоятельством, которое изменило нормальное функционирование общества и государства, повлияв на различные сферы жизни человечества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. прав. системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 05.12.2020.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 1 апр. 2020 № 98-ФЗ (ред. от 8 июня 2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2028.
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 21.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2020. № 5. Май.
4. *Габов А.В.* Непреодолимая сила, коронавирус и решения органов власти, направленные на предотвращение его распространения // Закон, 2020. № 5. С. 2-31.
5. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 21.09.2020 по делу № А27-15335/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. прав. системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 05.12.2020.
6. Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 17.09.2020 по делу № А79-4753/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. прав. системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 05.12.2020.

ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ СЛАБОЙ СТОРОНЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Баскаков К.И.

*Баскаков Кирилл Игоревич - студент магистратуры,
факультет юриспруденции,
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
г. Краснодар*

Аннотация: в статье рассматривается механизм судебной защиты слабой стороны договора от заведомо обременительных условий сделки путем признания их недействительными, проводится сравнительно-правовой обзор общего и специального нормативного регулирования отказа от некоторых ее положений на примере договора между субъектом предпринимательской деятельности и потребителем.

Ключевые слова: обременительные условия, слабая сторона, свобода договора, недействительность, оспоримость.

DOI: 10.24411/2412-8228-2021-10101

Частноправовой институт защиты слабой стороны в договорных обязательствах тесно взаимосвязан с проблематикой реализации принципов справедливости и разумности договорных условий, свободы договора и добросовестности участников гражданского оборота. Недопустимость извлечения каких бы то ни было преимуществ из недобросовестного поведения в процессе реализации законных прав и обязанностей прямо закреплена в части 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Доктрина защиты слабой стороны посредством ограничения свободы договора неоднократно попадала в поле зрения исследователей как российского, так и зарубежного частного права. А.Г. Карапетов и Д.О. Тузов указывают на существующую в немецком праве презумпцию ничтожности сделки либо отдельных ее условий, противоречащих любой императивной норме [11, с. 33]. С данной позицией не соглашается Э.А. Евстигнеев, обращая внимание на существование наряду с собственно императивными нормами права так называемых норм-запретов [9, с. 10]. Последние представляют собой конструкцию, не предусматривающую замену согласованного сторонами условия на правило, предусмотренное законодателем. В российском гражданском праве к нормам-запретам, направленным на защиту слабой стороны правоотношения, можно отнести пункт 2 статьи 400 ГК РФ, запрещающий ограничение ответственности должника, если кредитором является физическое лицо – потребитель; абзац 1 пункта 2 статьи 391 ГК РФ, закрепляющий недопустимость перевода долга без согласия кредитора, и некоторые другие.

Вместе с тем, как справедливо отмечено А.В. Кузьминой, ни в российском, ни в зарубежном договорном праве доктрина защиты слабой стороны от навязывания явно обременительных условий при переговорном неравенстве не получила пока достаточно ясного закрепления [12, с. 699]. Трудности интерпретации в позитивном праве добросовестности, разумности и справедливости, их взаимосвязи и соотношения с автономией воли участников гражданского оборота и свободой договора обуславливают актуальность исследуемой проблематики.

Отдельной группой правоотношений, где реализуются законодательные механизмы защиты от заведомо невыгодных условий договора более слабой стороны сделки, выступают обязательства между предпринимателем и потребителем. К таким

договорным конструкциям относятся перевозка пассажира, энергоснабжение, розничная купля-продажа, бытовой подряд и прочие.

Необходимо отметить, что действующим гражданским законодательством не сформулировано определение «слабой стороны», что компенсируется соответствующей позицией высших судов. Конституционным Судом Российской Федерации относительно Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) указывается, что его правовое регулирование направлено на защиту прав граждан (потребителей) как экономически более слабой и зависимой стороны в гражданско-правовых отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями (см. Определение КС РФ от 17.07.2018 № 1756-О).

Недействительность заведомо обременительных условий в качестве дополнительных гарантий для потребителя, ограниченного в возможности участвовать в переговорах, предшествующих совершению сделки, предусмотрена законодателем для договоров присоединения (к примеру, для договора банковского вклада, ст. 428 ГК РФ). Если договор содержит положение, которое не было бы принято потребителем исходя из своих законных прав и разумных интересов, когда он имел бы возможность повлиять на условия обязательства – слабая сторона вправе потребовать изменения либо расторжения договора.

Однако не только прямое противоречие закону отдельных условий сделки влекут их недействительность. Права потребителей – физических лиц защищены специальным правовым регулированием пункта 1 статьи 16 Закона о защите прав потребителей, в силу которой недействительны условия потребительского договора, ограничивающие права потребителя по сравнению с тем, как они определены в нормах потребительского законодательства. Изложенное справедливо для применения указанной нормы в совокупности со статьей 168 ГК РФ, предусматривающей оспоримость противоречащего закону договорного условия. Если речь идет о потребительской сделке, данное условие должно быть признано исключительно недействительным. Такой подход характерен для сложившейся правоприменительной практики, в частности, в судебном порядке признаны недействительными условия, допускающие вольное толкование спорных положений договора сильной стороной правоотношения (см. определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2019 № 18-КГ19-91) и обязательный досудебный порядок урегулирования спора в договоре с гражданином-потребителем (апелляционное определение Московского городского суда от 02.05.2017 № 33-16937/2017). В правоотношениях розничной купли-продажи недействительно установление дополнительных обязательств в форме приобретения иных товаров (работ, услуг) помимо тех, в которых заинтересован покупатель.

Обременительность для слабой стороны соглашения усматривается и в так называемой арбитражной (третейской) оговорке. Необходимо согласиться с Л.В. Терентьевой относительно наличия в гражданском праве пробела специального регулирования данного рода условий для потребительских договоров [15, с. 41]. Таким образом, лишенный адекватной возможности волеизъявления, потребитель существенно ограничен в возможности предложить иные условия договорной подведомственности. Для соблюдения баланса интересов сторон правоотношения при разрешении вопроса недействительности третейской оговорки, был бы целесообразным сравнительный анализ механизмов защиты прав физического лица в сравнении с предусмотренным процессуальными нормами, действующими в государственных судебных органах.

В данном контексте необходимо обратить внимание и на правило альтернативной территориальной подсудности для рассмотрения исков о защите прав потребителей, предусматривающее право истца на выбор места нахождения суда по месту своего жительства, пребывания, заключения и исполнения договора либо нахождения

субъекта предпринимательства, к которому предъявляется требование. Согласование иной подсудности сторонами в договорном порядке также влечет недействительность данного условия сделки как ущемляющего законные права потребителя.

Не только ограничение установленных действующим законодательством прав, но и условие договора о добровольном отказе слабой стороны от своего законного права признается ничтожным. Если наличие права закреплено императивной нормой, стороны не вправе согласовать иное условие. Например, для договора розничной купли-продажи ничтожно положение об отказе покупателя от обмена недовольственного товара, что противоречит статье 502 ГК РФ. Вместе с тем, в научных кругах высказывается мнение, что изложенное представляется корректным только в договорах между субъектом предпринимательской деятельности и гражданином потребителем, но вовсе не должно означать ничтожности любого условия иной коммерческой сделки, содержащего добровольный отказ от права одной из сторон [14, с. 107].

Больше затруднений возникает в правоприменении при необходимости признания недействительными условий договоров между двумя субъектами предпринимательской деятельности. А.Ф. Бакулин и А.В. Кузьмина высказывают предположение, что в данном случае что пределы свободы договора могут быть как установлены императивными запрещениями закона, так и подчинены справедливому и сбалансированному распределению взаимных прав и обязанностей между сторонами сделки [6, с. 238]. По сути, принцип добросовестности требует от каждого субъекта гражданского оборота формулировать условия договора с позиции соблюдения прав и законных интересов своего контрагента. Добросовестность сторон договора может исследоваться судом в том числе при отсутствии соответствующего ходатайства или заявления участника процесса, если суд усматривает для этого объективные основания. В отечественном арбитражном процессе действует принцип состязательности профессиональных представителей сторон, однако судом учитываются не только доказательства, представленные участвующими в деле лицами. Арбитражный суд вправе запрашивать иные доказательства, определенные им по своему усмотрению и необходимые для рассмотрения спора. Таким образом достигается возможность суда устранить допущенные сторонами ошибки в правовой квалификации иска, не ограничиваясь при его рассмотрении представленными доводами и возражениями. Как видим, недобросовестность одной из сторон договора при формулировании его условий может быть установлена и по инициативе суда (См. определение Арбитражного суда Республики Марий Эл по делу № А38-185/2019).

Наиболее распространенными видами защиты слабой стороны правоотношения выступают судебная защита права на изменение либо признание недействительными обременительных условий договора. При этом на слабую сторону сделки возлагается обязанность доказывания нарушенного права, обременительности спорных договорных положений, недобросовестности поведения сильной стороны договора. Как правило, таковым выступает потребитель – физическое лицо в отношении субъекта предпринимательской деятельности, либо та сторона договора, которая не является профессиональным участником рынка совершения сделки.

Полагая, что при оспаривании отдельных положений обременительной сделки необходимо учитывать неизменность ее существенных условий, таких, как цена договора, объем предоставляемых услуг, количество поставляемого товара, поскольку в противном случае речь идет о незаключенности договора в целом, что влечет за собой совершенно иные правовые последствия.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. Часть первая (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.

2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (в действ. ред.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
 3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2018 № 1756-О // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2021).
 4. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.05.2017 № 33-16937/2017 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2021).
 5. Определение Арбитражного суда Республики Марий Эл по делу № А38-185/2019 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2021).
 6. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса, 2020. № 2. С. 203–250.
 7. Бакулин А.Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья, 2019. № 8. С. 20–28.
 8. Витрянский В.В. Недействительность договора и оспаривание договора: проблемы судебного толкования // Вестник гражданского права, 2019. № 6. С. 35–50.
 9. Евстигнеев Э.А. Проблема дуализма императивных норм в свете применения ст. 168 ГК РФ. Ответ на статью А.Г. Карапетова и Д.О. Тузова // Вестник гражданского права, 2018. № 3. С. 7–52.
 10. Зардов Р.С. Об условиях, ущемляющих права потребителя // Право и экономика, 2019. № 2 (372). С. 35–43.
 11. Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права, 2016. № 5. С. 14–67.
 12. Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2019. № 46. С. 698–727.
 13. Рязова Е.П. Основания выделения принципа защиты слабой стороны в гражданском правоотношении // Юрист, 2016. № 17. С. 7–11.
 14. Сулов А.А. Недопустимые отказы в гражданском праве России // Актуальные проблемы российского права, 2019. № 1 (98). С. 102–110.
 15. Терентьева Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2020. № 2. С. 28–44.
-

ИЗМЕНЕНИЕ АКЦЕССОРНОСТИ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Милехин Д.С.

*Милехин Денис Сергеевич – магистрант,
направление подготовки: юриспруденция,*

*Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва*

Аннотация: в статье анализируется правоприменение законодательства о залоге во взаимосвязи с акцессорностью залога как основного свойства обеспечительного обязательства.

Ключевые слова: акцессорные обязательства, залог, исполнение обязательств.

К середине двухтысячных годов необходимость изменения норм права, регламентирующих применение обеспечительных отношений, назрела достаточно остро. Несовершенство нормативно-правовой базы, регламентирующей применение обеспечительных конструкций, зачастую использовалось недобросовестными залогодателями для изобретения различных способов освобождения от обязательств.

В целях защиты добросовестных участников гражданского оборота и в условиях необходимости стабилизации оборота Высший Арбитражный Суд РФ в своих решениях наметил тенденцию к ослаблению акцессорности залога по отношению к обеспечиваемому обязательству.

Многие правовые принципы и юридические механизмы, наработанные ВАС РФ, получили ожидаемое продолжение при реформе гражданского законодательства и нашли свое отражение в новых положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, связанных с применением обеспечительных обязательств.

В ответ на запросы судебной системы и участников корпоративных отношений в 2009 году была принята Концепция развития гражданского законодательства. Результатом реформы стало дополнение Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) новыми положениями о залоге и поручительстве. Также в главу 23 ГК РФ были включены новые положения о независимой гарантии и обеспечительном платеже. Инициатива законодателя была вызвана необходимостью стабилизировать гражданско-правовое регулирование, в то же время принятые новеллы породили новые вопросы.

Один из самых спорных вопросов регулирования залога, возникший на практике, заключается в следующем: какова судьба залога в случае, если после заключения договора о залоге должник и кредитор изменили содержание основного обязательства? Такая ситуация может возникнуть при дополнительной отгрузке товара на условиях отсрочки платежа или в случае увеличения суммы кредита относительно той, которая изначально была указана в договоре залога.

Арбитражные суды долгое время считали, что если должник и кредитор договорились об изменениях в договоре кредита, но не отразили эту договоренность в договоре залога, то залог прекращается. Однако Высший арбитражный суд изменил этот подход, который нашел свое отражение в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» [1]. В п. 13 указанного постановления разъяснено, что изменение размера или срока исполнения обеспеченного залогом обязательства (например, вследствие изменения процентной ставки по кредиту либо изменения срока возврата кредита) по сравнению с тем, как такое условие определено в договоре о залоге, само по себе не является основанием для прекращения залога. Суды также должны учитывать, что в силу статьи 337 ГК РФ отсутствие в договоре о залоге условий о размере и/или порядке уплаты процентов за

пользование кредитом означает ограничение обеспечиваемых залогом требований уплатой суммы основного долга по кредитному договору, но не влечет за собой незаключенности договора о залоге в целом.

Данные разъяснения высшего суда говорят о снижении зависимости залоговых обязательств от судьбы обеспечиваемых, т.е. об ослаблении акцессорности залога.

Еще один сложный вопрос применения залоговых отношений касается случаев расторжения основного договора, который является основанием для возникновения обеспеченного обязательства. Например, есть договор кредитной линии, по которому банк выдает заемщику кредит несколькими траншами. Обязательства заемщика обеспечены залогом. При наступлении определенных обстоятельств, предусмотренных договором, банк расторгает договор в одностороннем порядке, и тогда возникает вопрос: транши, которые уже были выданы заемщику, по-прежнему обеспечены залогом или залог прекратился в связи с прекращением основного договора? По мнению Высшего арбитражного суда, залог не прекращается в отношении тех обязательств, которые он обеспечивает и которые еще не исполнены (п. 26 постановления Пленума Высшего арбитражного суда от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге») [1].

Следующий вопрос, связанный с изменением обеспеченного залогом обязательства, связан с необходимостью разрешения споров в случае недействительности договора, обеспеченного залогом. Идея строгой акцессорности предполагает, что при недействительности основного обязательства недействительно обеспечение, но в действующем законодательстве закреплено иное правило. При недействительности основного обязательства, обеспечение действительно и обеспечивает реституционное обязательство (п. 3 ст. 329 ГК РФ), что приводит к еще большему ослаблению принципа акцессорности.

Еще одним камнем преткновения служил вопрос о судьбе залога в связи с ликвидацией должника по основному обязательству при несовпадении залогодателя и должника в одном лице. Ранее суды отказывали залогодержателям и отклоняли требования об обращении взыскания на предмет залога, мотивируя решение тем, что если на момент вынесения решения по делу должник по основному обязательству, обеспеченному залогом, ликвидирован, то право залога прекращено, поэтому нет оснований для удовлетворения требований залогодержателя. Эта неясность была устранена постановлением Пленума Высшего арбитражного суда от 23.07.09 № 58, в п. 21 которого дано разъяснение, которое защищает интересы кредиторов: если должник ликвидирован после предъявления иска к залогодателю, то ликвидация основного должника не влечет за собой прекращение залога [2].

Описанная выше ситуация, которая допускает существование обеспечительного обязательства в отсутствие обеспечиваемого, иллюстрирует сильнейшее ослабление признака акцессорности.

В п. 2 ст. 339 ГК РФ законодатель смягчил стандарт описания основного обязательства в договоре залога, что наглядно демонстрирует явную тенденцию к еще большему ослаблению акцессорности.

Указанная норма могла вступить в противоречие со ст. 9 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», которой установлено требование детального описания основного обязательства в договоре ипотеки. Однако, ВС РФ в определении от 20 декабря 2016 г. № 24-КГ16-20 разъяснил [3], что закрепленное в законе требования к условиям договора ипотеки о размере и сроке исполнения обязательства, обеспечиваемого ипотекой, направлено на защиту интересов залогодателя, который должен быть осведомлен о существенных условиях обязательства, исполнение которого он обеспечивает своим имуществом. Данное правило не распространяется на случаи, когда залогодателем является должник в основном обязательстве, в таком случае условие о существе, размере и сроках исполнения обязательства, обеспеченного залогом, следует

признать согласованными, если в договоре залога имеется отсылка к договору, регулирующему основное обязательство и содержащему соответствующие условия.

Анализируя изложенное, мы приходим к выводу, что тенденция к ослаблению акцессорной природы залога прослеживается очень ярко. Такое свойство залога, как акцессорность, представляет собой гибкий и практичный правовой принцип, который можно и нужно применять для защиты слабой стороны правоотношений и установления баланса интересов сторон.

Список литературы

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/58200049/> (дата обращения: 10.06.2020).
 2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12168676/> (дата обращения: 10.06.2020).
 3. Определение ВС РФ от 20 декабря 2016 г. № 24-КГ16-20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1505680/ (дата обращения: 10.06.2020).
-

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ

Лапина Е.А.

Лапина Елена Александровна - студент,
кафедра гражданского права и процесса права, юридический факультет,
Академия труда и социальных отношений, г. Севастополь

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты защиты нематериальных благ в Российской Федерации. Предложен комплекс изменений в нормы Гражданского кодекса с целью обеспечения максимально эффективной защиты прав личного неимущественного характера.

Ключевые слова: нематериальные блага, права, свободы, неимущественные права.

Главнейший признак демократического государства - это обеспечение справедливого и быстрого восстановления нарушенного права и компенсирование причиненного вреда. По настоящее время не утихает дискуссия о возможностях защиты нематериального блага и компенсации за его нарушение.

Так как Конституция РФ наделена высшей юридической силой, по этой причине она является гарантом защиты прав и свобод граждан РФ. В частности, в рамках ст. ст. 21, 23 указано, что любой гражданин вправе защищать свою честь, достоинство и доброе имя [1]. Во Всеобщей декларации прав человека отражено, что комплекс прав и свобод человека, его честь достоинство представляют собой высшую общественную и государственную ценность [2].

Нематериальные блага - это права личного неимущественного характера. В положениях ГК РФ в ст. 150 закреплен открытый список нематериальных благ, в него включают: «жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность личной жизни, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайну, права на свободное передвижение, свободный выбор места нахождения и места проживания, имя гражданина, авторские права, другие разновидности нематериальных благ, которыми обладает гражданин от рождения или под действием закона, права не могут отчуждаться и передаваться другим способом» [3].

Права личного неимущественного характера обладают абсолютным характером и защищены от любых попыток их нарушения. Факт нанесения гражданину морального вреда, том числе причинение физических и нравственных страданий, может возникать только в ситуации, когда нарушаются его права личного и неимущественного характера либо произошло посягательство на какой-либо вид нематериального блага, принадлежащего гражданину.

В нормах ГК РФ в ст. 151 излагается обладающее большей степенью абстрактности толкование термина моральный вред. В ходе анализа Постановления Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» можно отметить, что следует акцентировать внимание на следующем факте: в рамках п. 2 предлагается определение морального вреда в следующей формулировке: «Комплекс страданий физического и нравственного характера, который причинен действиями (бездействиями), посягающими на находящиеся в собственности гражданина с момента рождения или под действием законодательства виды благ нематериального характера: 1) жизнь; 2) здоровье; 3) достоинство гражданина; 4) деловая репутация; 5) неприкосновенность личной жизни; 6) личные и семейные тайны и иное, или действия (бездействие), которые нарушают права личного неимущественного характера гражданина: 1) пользование именем; 2) авторские права и иные права личного неимущественного характера согласно нормам законов об охране прав на итоги осуществления интеллектуальной деятельности или права имущественного

характера граждан» [4]. Данное определение наиболее полное, но в нем присутствует несколько пробелов.

1. Не закреплено, что именно следует понимать под «страданиями нравственного и физического характера». В ч. 2 п. 2 Постановления указывается на то, что «под моральным вредом, в том числе, можно понимать нравственные переживания по причине смерти родственников, невозможности осуществлять активную общественную жизнь, потерю работы и т.д.».

2. Законом не дается определение термина «нематериальное благо».

3. Нормами действующего законодательства не закреплена юридическая суть определенных действий, которые могут обусловить возникновение факта причинения морального вреда.

Рассматривая генезис института морального вреда, можно прийти к выводу, что нормы закона, регулирующие взаимоотношения в рамках ГК РСФСР 1922 г. [5], не предусматривали специальных методов, направленных на защиту чести и достоинства, по причине того, что предполагалось, что достаточно применения уголовно-правовой ответственности за совершение преступных действий против жизни, здоровья и достоинства граждан (гл. 6 УК РСФСР 1926 г.).

Во времена Советского Союза вопросы реализации мероприятий по гражданско-правовой защите всех форм нематериальных благ рассматривало множество ученых-юристов, но, тем не менее, углубленное исследование объектов прав личности не осуществлялось. Е.А. Флейшиц было внесено предложение о необходимости включения защиты личных прав в нормы гражданского законодательства вне зависимости от наличия провинностей у нарушителя чести и достоинства гражданина, и свое официальное законодательное закрепление получило только в рамках ст. 7 Основ гражданского законодательства СССР [6].

В ходе рассмотрения вопросов о процедурах правового урегулирования взаимоотношений по вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации, нужно акцентировать внимание на том, что, невзирая на многообразие законов в этой области, не сформировано четкого представления о сущности и природе нематериального блага, что обуславливает факты неоднозначного толкования этого вида права судебными инстанциями, а в последующем и к формированию правовых коллизий.

В ходе изучения исторического аспекта института по защите чести и достоинства, деловой репутации подобная модель была сформирована за определенный период. Было выяснено, что процедура защиты чести и достоинства в рамках судебного разбирательства была реформирована и усовершенствована после того, как была принята Конституция РФ 1993 г., а также после того, как РФ вступила в Совет Европы, реализовала дополнительные обязательства в сфере международного права, включая обязательства, затрагивающие выполнение решений международных судебных инстанций, а с 1998 г. и выполнение решений Европейского суда по правам человека.

Для того чтобы обеспечить максимально эффективную защиту прав личного неимущественного характера нужно внести комплекс изменений в нормы ГК РФ, в частности:

- утвердить исчерпывающее и наиболее полное понятие термина «нематериальные блага», на которые направляются действия (бездействия) в процессе причинения морального вреда;

- установить определенные размеры компенсации в случае причинения конкретной разновидности морального вреда.

Для лица, претерпевшего страдания, не столь важны денежные средства, особой значимостью обладает непосредственно факт осуществления защиты его прав неимущественного характера властью государства. Для того, чтобы обеспечить подобную защиту нужно возлагать на ответственных лиц обязательства в форме

выплаты платежа в виде компенсации потерпевшему лицу. Данные платежи, которые представляют собой одну из форм ответственности, должна взыскивать судебная инстанция при выполнении двух условий - противоправный характер поведения и вина нарушителя.

Согласно вышеизложенному можно заключить, что актуальность исследования обуславливает объективное развитие общественных взаимоотношений по вопросам благ нематериального характера, принадлежащих человеку, сложность и многоаспектность рассматриваемой категории благ, ее приоритетное значение для личности. Указанные обстоятельства влекут за собой проявление повышенного уровня заинтересованности законодателя в вопросах правового обеспечения личных неимущественных прав граждан, тем не менее, состояние гражданско-правового регулирования отношений по поводу нематериальных благ на сегодняшний день продолжает пребывать на этапе развития.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.02.2021).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Заключена в г. Риме 04.11.1950] (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом № 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001. № 2, ст. 163.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.
5. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 “О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР.” (вместе с “ГК РСФСР.”) // "Известия ВЦИК". № 256, 12.11.1922 (утратил силу).
6. *Флейшиц Е.А.* Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. Ученые труды ВИЮН. Вып. 6 / Флейшиц Е.А. М.: Юрид. изд-во. НКЮ СССР, 1941. 207 с.

К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Лапина Е.А.

Лапина Елена Александровна - студент,
кафедра гражданского права и процесса права, юридический факультет,
Академия труда и социальных отношений, г. Севастополь

Аннотация: в статье рассматривается защита гражданских прав, а также способы защиты гражданских прав, закрепленные в Гражданском кодексе РФ. Анализируется наиболее часто встречающийся способ защиты гражданских прав – компенсация морального вреда.

Ключевые слова: гражданское право, способы защиты гражданских прав, компенсация морального вреда.

Конституция Российской Федерации и отечественное законодательство закрепляет за каждым человеком права человека и гражданина [1]. Некоторыми из них человек наделен от рождения, некоторыми его наделяет государство. До тех пор, пока эти права не нарушены, нет необходимости обращаться за их защитой.

В случае если все же эти права были нарушены, российское законодательство дает определенный объем способов их защиты.

Защита гражданских прав подразумевает под собой совершение действий, которые направлены на предупреждение и пресечение нарушений субъективных гражданских прав и нацелены на обеспечение восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

В Гражданском кодексе РФ способы защиты гражданских прав закреплены в ст. 12. Данная статья закрепляет точный перечень способов защиты прав [3]:

- признание права;
- восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки;
- признание недействительным решения собрания;
- признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- самозащита права;
- присуждение к исполнению обязанности в натуре;
- возмещение убытков;
- взыскание неустойки;
- компенсация морального вреда;
- прекращение или изменение правоотношения;
- неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

Гражданским кодексом Российской Федерации допускается, помимо вышеперечисленных способов защиты гражданских прав, применение и иных способов, предусмотренных законом.

Более подробно стоит остановиться на наиболее часто встречающемся в судебной практике способе – компенсации морального вреда.

Перед Россией, как перед правовым государством, стоит важная задача обеспечения восстановления нарушенного права и возмещения причиненного вреда [4].

Одним из видов причиненного личности вреда может выступать моральный вред, который определяется в нравственных или физических страданиях, вызванных неправомерными действиями (бездействием).

Институт морального вреда в Российской Федерации появился относительно недавно и, в отличие от многих других государств, является довольно новым явлением. Становление этого института вызывает немало проблем правоприменительного характера. Так, например, на данный момент в судебной практике до сих пор нет четких критериев определения размера денежной компенсации.

Требования о взыскании морального вреда чаще всего удовлетворяются частично, независимо от суммы, требуемой истцом. Вероятнее всего данные выплаты не могут компенсировать причиненный ответчиками вред в полном объеме.

В данной ситуации суд руководствуется только требованиями законодательства, однако определение денежной суммы основывается на субъективной оценке. При этом истец, в свою очередь, не должен рассматривать компенсацию за возмещение нанесенного ущерба, как способ заработка, который ставит его в более выгодное материальное положение, чем то, которое он занимал до нарушения его прав. Потому важно, чтобы и истец, и суд исходили из принципа разумности [5].

Стоит отметить, что за компенсацией морального вреда может обратиться только гражданин; организации за данной компенсацией обращаться не могут. Компенсация морального вреда наступает в том случае, когда гражданин понес моральные или физические страдания.

Где и как можно защищать свои права и применять вышеперечисленные способы защиты прав, зависит от форм защиты гражданских прав.

Гражданское право в теории принято делить на две формы защиты гражданских прав: юрисдикционная и неюрисдикционная.

Юрисдикционная форма подразумевает под собой обращение за защитой права к компетентным органам. Данная форма проявляется в виде защиты в судебном порядке или же защите в административном порядке.

Согласно п. 1 ст. 11 ГК РФ защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с их компетенцией [3].

Неюрисдикционная форма несет в себе защиту прав, которая осуществляется лицом самостоятельно, без обращения к государству за помощью. Данная форма проявляется в двух видах: самозащита права и меры оперативного воздействия [6].

Таким образом, можно подвести итог, что существует большое многообразие форм и способов защиты гражданских прав. Выбирает нужный для себя способ защиты то лицо, чьи права были нарушены.

Залогом эффективного порядка и восстановления нарушенного рассмотрения возникшего спора в судебном порядке напрямую зависит от правильного выбора способа защиты гражданских прав.

В настоящий момент широкое распространение получил институт компенсации морального вреда, однако правоприменительная практика данного способа защиты гражданских прав еще находится на этапе становления. Для того чтобы этот процесс становился более успешным, необходимы изменения существующих правовых норм.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.02.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.
4. *Карпычева М.В., Хужина А.М.* Гражданское право: учебник. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2018. 559 с.
5. *Надточаев П.В., Малышева Н.А.* Учет нравственных критериев при определении компенсации морального вреда // Евразийский юридический журнал, 2017. № 4(107).
6. *Кудря С.А.* Общие и специальные способы защиты гражданских прав // Правопорядок: история, теория, практика, 2019. № 1. С. 80–83.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К ВОПРОСУ ОБ АСИММЕТРИИ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Каменев Д.А.

*Каменев Денис Александрович – магистрант,
кафедра уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной,
Российский государственный университет правосудия, г. Москва*

Аннотация: в статье анализируются существующие подходы к теории асимметрии допустимости доказательств в уголовном процессе России, иностранный опыт в реализации принципа состязательности и возможные пути решения существующих в данной сфере проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, принцип состязательности, право на защиту, допустимость доказательств, асимметрия допустимости доказательств.

Допустимость доказательств – важнейший легально определенный критерий оценки доказательств. Являясь своеобразной «шкалой» юридической силы различных доказательств, допустимость таковых является одним из ключевых понятий теории доказывания и доказательств. Такой статус подтверждается тем, что допустимость легально регулируется не только Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации, но и Конституцией Российской Федерации. Так, согласно части 2 статьи 50 основного закона, при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона [1]. Уголовно-процессуальный закон в свою очередь не только, как это принято, развивает конституционное положение, но и закладывает в допустимость доказательств уникальное содержание. Такое понимание имеет место быть в силу того, что уголовно-процессуальные отношения напрямую связаны с защитой прав и свобод участников этих правоотношений, и в первую очередь к ним относятся потерпевший и, несмотря на обывательские мнения, подозреваемый (обвиняемый, подсудимый). Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2]. Для реализации этого назначения в уголовно-процессуальном законе созданы как соответствующие принципы, так и отдельные нормы, действующие с целью защиты прав и свобод указанных лиц. Именно в этом аспекте хотелось бы уделить внимание однозначно спорной, дискуссионной и претенциозной концепции, которая способна вызвать существенные изменения в современном понимании критериев допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве – концепции асимметрии правил допустимости доказательств.

Исследование таких теорий и концепций, не может потерять своей актуальности в связи с тем, что, во-первых, они в определенных случаях могут иметь определяющее значение при производстве доказывания по уголовному делу, а во-вторых, в связи с тем, что в действующем законодательстве существует определенная неясность в связи с применением данной концепции. Ее сторонники, исходя из системного и несколько расширительного толкования закона, говорят о наличии в законодательстве оснований для применения специальных правил о допустимости доказательств, противники же формально руководствуются положениями статьи 74 УПК РФ.

В самом простом виде данная концепция, или же теория, представляет собой правило, в соответствии с которым недопустимыми могут быть признаны только обвинительные доказательства, а доказательства, своим содержанием выполняющие функцию защиты, оправдания, в некоторых случаях не признаются недопустимыми, не смотря на наличие нарушения закона [3]. Следует также отметить, что научные изыскания в исследовании данной теории привели к ее развитию и «рождению» ее вариаций. Так, существуют различные понимания об отнесении доказательств к «защитным», то есть к тем, к которым мы можем применить правила асимметрии. С одной стороны, предлагается применять соответствующие специальные правила только к тем доказательствам, которые оправдывают обвиняемого (подсудимого), но при этом признаны недопустимыми в виду того, что стороной обвинения были нарушены правила собирания и фиксации доказательства, с другой стороны предлагается применение этих правил к каждому доказательству, исходящем от стороны защиты [4].

Как показывает изучение и анализ научной литературы, асимметрия правил допустимости доказательств подвергается суровой критике и отвергается многими учеными-процессуалистами [5]. Однако, не критикуя данную позицию, следует отметить, что, у изучаемой теории есть право на существование в практике, но исключительно с учетом некоторых особенностей.

Следует отметить, что сторонники данной теории говорят о таких требованиях к доказательствам, к которым возможно применение правил асимметрии допустимости, как: во-первых, доказательство должно оправдывать обвиняемого, то есть устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, которые исключают возможность совершения преступления обвиняемым, либо смягчают его вину, во-вторых, такие доказательства могут быть признаны недопустимыми ввиду нарушения закона стороной обвинения при собирании таких доказательств. Представляется недопустимым тот факт, что в таком случае ответственность за определенные ошибки, совершенные следствием, несет сам обвиняемый, что не согласуется с принципом состязательности в уголовном судопроизводстве. А.М. Ларин приводит пример такой ситуации. В случае, если опознание проведено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, но при этом опознающий не смог узнать опознаваемого. Допустимость такого доказательства можно обосновать тем, что доказательство становится недопустимым не в силу формального, но существенного нарушения уголовно-процессуального закона, учитывая, что под существенным нарушением в данном контексте следует понимать такое, которое может повлиять на гарантии в осуществлении права на защиту обвиняемого [6].

Исходя из такого понимания, положения части 1 статьи 75 УПК РФ необходимо толковать только в том смысле, в котором недопустимыми должны признаваться лишь те доказательства, которые получены с нарушением закона и могут быть положены в основу обвинения [7]. Такое положение подтверждается содержанием пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8, в соответствии с которым доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения [8], а также правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации [9].

Поддерживая применение правил асимметрии допустимости доказательств, следует отметить, что защитник, вопреки формулировке части 3 статьи 86 УПК РФ собирает перечисленные данной нормой не доказательства, а так называемые доказательственные сведения. Более точной формулировкой оперирует ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в российской Федерации», в соответствии с частью 3 статьи 6 которого адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, собирать и представлять те предметы и

документы, которые могут быть признаны вещественными доказательствами [10]. Такая процедура «допуска» сведений, о которых говорится выше, дает явное очевидное преимущество органам предварительного расследования, которые фактически имеют право не признавать доказательствами те сведения, документы и материалы, которые представляет сторона защиты. Таким образом, исключение доказательств о невиновности обвиняемого или смягчающих его вину из совокупности доказательств по уголовному делу, фактически сводит состязательность уголовного судопроизводства к минимуму отрицательно влияя на реализацию права на защиту обвиняемого.

Позиции строго ограниченного применения правила асимметрии доказательств придерживается Н.М. Кипнис, определяющий условия применения данного правила [11]. Во-первых, указанные правила могут распространять свое действие исключительно на такой критерий допустимости, как надлежащий порядок проведения конкретного процессуального действия, использованного как средство получения доказательства, а также надлежащий субъект, правомочный проводить указанные процессуальные действия. Во-вторых, представляется, что в том случае, когда защитник участвовал в производстве следственного действия и не заявил возражений против не соответствующего закону действия, в результате которых полученное доказательство может быть впоследствии признано недопустимым, он должен быть лишен права требовать признания таких доказательств допустимыми.

И все же следует отметить, что при всех указанных достоинствах концепции асимметрии правил допустимости доказательств, исходя из действующего правового регулирования данного вопроса, ее использование представляется невозможным. Правило, императивно сформулированное в статье 75 УПК РФ, гласит о том, что если доказательство получено с нарушением уголовно-исполнительного закона, то оно априори недопустимо. Таким образом, такое доказательство не имеет юридической силы и не может быть положено в основу обвинения, не может быть использовано для доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, перечень которых сформулирован в статье 73 УПК РФ, в круг которых в том числе входят смягчающие обстоятельства и обстоятельства, влекущие освобождение от уголовной ответственности.

Так, Ф.М. Кудин и Р.В. Костенко указывают, что «Содержание доказательств, вне зависимости от того, являются ли они обвинительными или оправдательными, не должно влиять на решение вопроса об их допустимости» [12]. В свою очередь доказательные сведения, представляемые стороной защиты также должны оцениваться правоприменителем с точки зрения всех требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом к доказательствам.

Изучая зарубежный опыт решения данного вопроса, следует обратиться к правовому регулированию в США как к наиболее яркому представителю современного состязательного уголовного процесса. В данном случае статья 105 федеральных правил использования доказательств в судах США судьями и магистратами США гласит: «Если доказательство, допустимое для одной стороны или для одной цели и недопустимо для другой стороны или для другой цели, принимается в качестве допустимого, то суд по соответствующему ходатайству должен ограничить исследование этого доказательства до надлежащих пределов и дать соответствующее указание присяжным» [13]. Таким образом, такие правила устанавливают одинаковый правовой режим как для обвинительных, так и для оправдательных доказательств, так как современный состязательный процесс предполагает равноправие сторон в системе доказывания.

Таким образом, для того, чтобы ответить на вопрос, возможно ли использование той или иной формы правил асимметрии допустимости доказательств, следует изучить влияние этих правил на баланс функций сторон защиты и обвинения в рамках баланса, предполагаемого принципом состязательности сторон в уголовном

судопроизводстве. Множественность подходов к решению проблемы реализации принципа состязательности, предложенных учеными с 2002 года в некоторой степени «успокоила» дискуссию на эту тему, но если такой вопрос находит свое отражение в практике Верховного суда Российской Федерации [14], то вопрос фактического отсутствия состязательности на стадии предварительного расследования ушел на второй план. Более того, среди представителей адвокатского сообщества существует мнение о том, что отсутствие состязательности на стадии предварительного расследования не влияет на процесс осуществления защиты прав обвиняемых лиц [15].

В свете вышеуказанного считаю, что для решения существующей проблемы необходимо применять концепцию рациональной допустимости доказательств, ее цель заключается в достижении указанного баланса в правах сторон на основе разделения нарушений требований УПК РФ при получении доказательств на существенные и несущественные. Научные подходы к этой концепции существуют, например, В. Зажицкий предлагает использовать понятие «существенные нарушения закона» как оценочное, Б. Комлев предлагает принять норму, которая содержит в себе исчерпывающий перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона. Однако такие подходы нельзя признать универсальными и данный вопрос нуждается в дальнейшей научной проработке и развитии существующих предложений.

Таким образом, концепция правил асимметрии допустимости доказательств в уголовном процессе имеет определенные достоинства, связанные с реализацией принципа состязательности и осуществления полноценного права на защиту. Однако в связи с многообразием подходов к решению этого вопроса существует необходимость дальнейшего осмысления данной проблемы с целью выработки единообразной концепции асимметрии правил допустимости доказательств, удовлетворяющей требованиям Конституции РФ и УПК РФ.

Список литературы

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СПС КонсультантПлюс.
3. Кудрявцев В.Л. Некоторые вопросы допустимости доказательств в контексте значения уголовного судопроизводства в российской Федерации // Российский Следователь, 2012. № 24. С. 2-5.
4. Ревина И.В., Петров Н.В. И снова к теории асимметрии правил допустимости доказательств: для чего она необходима и почему не применима? // Дискурс: научный журнал, 2017. № 15. С. 263-270.
5. Кудрявцев В.Л. Проблемы двойного стандарта при определении допустимости доказательств в российской уголовно-процессуальной науке // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права и практика его применения: материалы международной дистанционной научно-практической конференции. Караганда: КЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2009. С. 7-13.
6. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту // Москва, 1988. С. 57-58.
7. Научно практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // под общей редакцией В.М. Лебедева. Москва, 2002. С. 627.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" // "Бюллетень Верховного Суда РФ". № 1, 1996.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // "Вестник Конституционного Суда РФ". № 4, 1999.
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // "Российская газета". № 100, 2002.
11. *Кипнис Н.М.* Оценка асимметрии правил о допустимости доказательств // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М., 2000. С. 173-195.
12. *Кудин Ф.М., Костенко Р.В.* Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: учебное пособие. Краснодар, 2002. С. 78-79.
13. *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. ИКД "Зерцало-М", 2001. С. 22-24.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции» // СПС КонсультантПлюс.
15. *Салакко А.С.* Адвокатское расследование как деятельность адвоката в российском уголовном процессе // Адвокатская практика, 2017. № 3.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Кодилова Е.Д.

*Кодилова Екатерина Дмитриевна – магистрант,
кафедра конституционного и муниципального права, юридический факультет,
Сибирский институт управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Новосибирск*

Аннотация: в статье рассмотрены основные проблемы развития института административной ответственности за нарушение законодательства об организации предоставления и сделаны предложения по совершенствованию данного института.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, государственные и муниципальные услуги, органы власти.

«На сегодняшний день, очевидно, то, что административная ответственность, являясь важнейшим инструментом реагирования на административные правонарушения, не выполняет в полной мере присущие ей задачи»¹. Разрозненность, несогласованность действующего законодательства не позволяет обеспечить на практике гибкость, динамичность, соразмерность в вопросах назначения административных наказаний с учетом особенностей и обстоятельств рассматриваемого дела, что зачастую не соответствует конституционным и международным стандартам в области прав человека.

В историческом контексте порядок назначения административных наказаний было сопряжено с административным и судебным порядком. В настоящее время более или менее две процедуры стали друг другу согласованными и больше обусловленными между собой. Тем не менее, как считают авторы Панова И.В. и Панов А.Б., остаются нерешенными вопросы, «каким образом и насколько такая комплементарность – соотношение административной и судебной процедур, а также взаимосвязь материально-правового и процессуального аспектов установления и реализации административной ответственности – опосредует собственно природу данной разновидности юридической ответственности, в конечном счёте, и определяет её эффективность в решении поставленных перед административно-деликтным законодательством задач, проявляет новые стороны проблематики административной ответственности и ставит новые исследовательские задачи»².

Из-за незначительного периода развития и становления административного права не сформировано единое понятие «административной ответственности»,

¹ Назаров И.В. Некоторые проблемы законодательства об административной ответственности // И.В. Назаров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2013. № 2. С. 73-79.

² Панова И.В., Панов А.Б. Актуальные проблемы административной ответственности // И.В. Панова, А.Б. Панов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика и право, т. 21, № 3, 2019. С. 105-134.

закрепленного в Кодексе об административных правонарушениях. Это влияет на понимание сущности и предназначения данного института, что в свою очередь имеет значение для судебной практики.

Во многом КоАП содержит бланкетные диспозиции, а также носит разрозненный характер. Многие нормы, имеющие характер административного права, отражены в других нормативно-правовых актах. При этом зачастую происходит неправильная правовая трактовка административных правонарушений, квалификация совершенных противоправных действий. Отсутствуют концепции изучения административного права.

Остается нерешенным вопрос малозначительности административных правонарушений, то есть «действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учётом характера совершенного административного правонарушения и роли лица, его совершившего, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения»¹.

Отдельно скажем, как отмечают многие ученые, явно негативным фактом является несогласованность размеров штрафов, что есть следствие многочисленных внесенных поправок. Размер санкций зачастую не соответствует целям восстановления социальной справедливости, а исполняет роль альтернативной налоговой системы. Формулирование составов правонарушений происходит больше политическим путем, нежели правовым.

Как показал анализ административных правонарушений, посягающих на права граждан, в том числе нарушения законодательства об организации предоставлении государственных и муниципальных услуг, в общей доле рассмотренных дел по административным правонарушениям составляет 1%. При этом в последние годы в регистрационном отделении не было зафиксировано нарушений законодательства об организации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств.

Особенности установления административной ответственности за нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг заключаются в сложности установления факта возникновения административного правонарушения.

«В российской правоприменительной практике долгое время имеет место значительное рассогласование в решениях судов различных инстанций в вопросе квалификации длящихся административных правонарушений и, соответственно, начала течения срока давности таких правонарушений»².

Нарушения законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг сводится лишь к нарушениям порядка предоставления государственных (муниципальных) услуг. При этом под законодательством в широком смысле мы понимаем свод нормативно-правовых актов и правовых норм.

Отметим, что существуют проблемы, сопряженные с организацией предоставления государственных и муниципальных услуг, которые могут повлечь за собой возникновение административного правонарушения.

В теоретическом аспекте проблемы заключаются в разграничении и понимании дефиниций «полномочия», «функции», «услуга». На примере деятельности регистрационного отделения, мы видим, что происходит официальное установление формулировок, не отражающих суть и предназначение данного института. Так, услуга носит название «Регистрация транспортных средств», хотя по факту это является функцией органа власти. В качестве одной из функций определяется

¹ Там же.

² Еремина О.Ю. Качество и доступность государственных услуг в социальной сфере как показатель эффективности деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2014. №1 (205).

«предоставление государственной услуги по регистрации транспортных средств», здесь происходит закольцовка понятий, категория понятия через саму категорию.

На практике существует ряд организационных проблем, которые повышают вероятность возникновения нарушений согласно статье 5.63. КоАП.

Так, во взаимодействии с другими подразделениями органов внутренних дел, территориальными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, органами местного самоуправления, организациями, средствами массовой информации возникают проблемы получения необходимой информации при реализации функций регистрационного отделения. Это увеличивает сроки предоставления государственной услуги.

Реализации права гражданина по получению государственной услуги по регистрации транспортных средств, а также доступности данной услуги препятствует информационная техническая доступность получения данной услуги, например, в отдаленных местностях, или, когда запись на получение услуги на сайте Госуслуги становится недоступной. Взаимодействие с сайтом у граждан вызывают сложности.

Нарушением права гражданина на предоставление государственной услуги является отказ в приеме документов и предоставлении услуги из-за документов, имеющих электронную подпись, поскольку в регистрационном отделении нет программы по расшифровке электронных подписей.

Определение состава административного правонарушения законодательства об организации предоставления государственной (муниципальной) услуги составляет проблемную часть, так как, например, срок предоставления государственной услуги по регистрации транспортного средства составляет не более 1 часа, при том, что время, проведенное в очереди или передвижениях заявителя между подразделениями органов власти, не считается за время предоставления государственной услуги. Таким образом, человек де-юре получает услугу только когда сидит у «окна регистрации». И в то же время установить начало и конец предоставления услуги составляет сложность, а рассмотреть возникновение правонарушения возможно по заявлению, где заявитель не всегда знает время предоставления услуги.

Для преодоления системных ошибок необходимы комплексные и системные подходы. Следовательно, необходим пересмотр и осознание всего института административной ответственности, в том числе за нарушение законодательства об административных правонарушениях. Сегодня правовая отрасль нуждается в продолжение становления правовой теории во взаимосвязи с систематизированной юридической практикой, создании и применении действенных правовых механизмов и публичных институтов защиты прав человека и гражданина.

Как считает Гюлюмян В.Г., «центр тяжести при определении существенного признака ответственности следует сместить с правонарушения на наказание. В данной области государства должно, прежде всего, упорядочить и согласовать между собой меры ответственности, определить условия их обоснованного и адекватного применения к правонарушителям и наращивать процессуальные возможности заинтересованных участников производства»¹.

Единая и систематизированная правовая платформа назначения наказаний позволит обеспечить их адекватность запрещенным деяниям и правильное распределение подведомственности дел не только в объективном праве, но и с учетом конкретных и субъективных обстоятельств.

Категория «административная ответственность» должна стать одной из ключевых (определяющих), наряду с административным правонарушением и административным наказанием, для формирования всего понятийного аппарата соответствующей отрасли российского законодательства.

¹ Гюлюмян В.Г. Административная ответственность в ретроспективе и перспективе / В.Г. Гюлюмян // Современное право. Точка зрения, № 7 (128), 2019. С. 143-153.

Для понимания и определения института административной ответственности необходимо законодательно установить понятие «административная ответственность». В качестве такого определения Панова И.В. и Панов А.Б. предлагают определять административную ответственность «как вид государственного принуждения, реализуемого в предусмотренной КоАП РФ процессуальной форме и отражающего такое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные правовые последствия морального, личного, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершённого им административного правонарушения»¹.

В качестве определения, автором предлагается ввести понятие административной ответственности как это правовой институт предупреждения и наказания за административные правонарушения, совершенные должностными лицами, в области реализации государственными (муниципальными) органами власти своих функций в целях приобретения заявителем ценности в виде вещественного или иного результата, реализующей права гражданина и человека.

В качестве услуги следует определять результат действий органа власти, то есть регистрационные документы - свидетельство о регистрации транспортного средства.

Для решения организационных вопросов необходимо совершенствовать порядок взаимодействия регистрационного отделения с другими подразделениями органов внутренних дел, территориальными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, органами местного самоуправления, организациями, средствами массовой информации возникают проблемы получения необходимой информации, определяя и совершенствуя механизм взаимодействия.

Важным для решения вопроса нарушения реализации права гражданина является обеспечение возможности предоставления услуги и приема для этого документов с электронной подписью.

Таким образом, отдельные меры и изменения по административной ответственности за нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг не приведут к качественным результатам. Необходимо пересматривать законодательство в системном подходе.

Список литературы

1. *Гюлумян В.Г.* Административная ответственность в ретроспективе и перспективе / В.Г. Гюлумян // Современное право. Точка зрения. № 7 (128), 2019. С. 143-153.
2. *Еремينا О.Ю.* Качество и доступность государственных услуг в социальной сфере как показатель эффективности деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права, 2014. № 1 (205).
3. *Назаров И.В.* Некоторые проблемы законодательства об административной ответственности / И.В. Назаров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2013. № 2. С. 73-79.
4. *Панова И.В., Панов А.Б.* Актуальные проблемы административной ответственности // И.В. Панова, А.Б. Панов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика и право. Т. 21. № 3, 2019. С. 105-134.

¹ Панова И.В., Панов А.Б. Актуальные проблемы административной ответственности // И.В. Панова, А.Б. Панов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика и право, т. 21, № 3, 2019. с. 105-134.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

РОЛЬ КАДАСТРОВОГО ИНЖЕНЕРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ

Говорова В.В.

*Говорова Виктория Вячеславовна - студент магистратуры,
направление: правоохранительная и правозащитная деятельность,
юридический факультет,*

Тульский институт (филиал)

*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Тула*

Аннотация: в статье рассматриваются формы участия кадастрового инженера в судопроизводстве при рассмотрении земельных споров, выявляются проблемы разграничения данных форм и пути их решения.

Ключевые слова: земельный спор, кадастровый инженер, земельный участок, гражданский процесс.

УДК 347.91/.95

Кадастровый инженер оказывает важнейшую роль в содействии правосудию при рассмотрении земельных споров. Являясь единственным лицом, которое имеет право подготавливать техническую документацию для внесения сведений об объектах недвижимости в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) [2], кадастровый инженер принимает непосредственное участие на всех этапах возникновения и разрешения земельного спора. Форма его участия в судебном процессе опосредована тем, какую функцию выполняет кадастровый инженер в конкретном деле.

Существует три формы участия кадастрового инженера в судебном процессе:

1. эксперт;
2. специалист;
3. свидетель.

Для привлечения кадастрового инженера в качестве эксперта он должен иметь статус судебного землеустроительного эксперта. Судебным землеустроительным экспертом является лицо, имеющее статус кадастрового инженера, а также прошедшее специальное обучение по программе профессиональной переподготовки и сдавшее экзамен на судебного эксперта. Результатом деятельности кадастрового инженера в качестве судебного землеустроительного эксперта является экспертное заключение, содержащее подробный анализ обстоятельств дела, ответы на вопросы суда, необходимые для вынесения решения [3].

В качестве специалиста кадастровый инженер может быть привлечен судом для разъяснения специфики конкретного обстоятельства дела, получения консультаций, пояснений. Он может дать консультацию или пояснения в устной или письменной форме на основе профессиональных знаний, умений и навыков. В зависимости от формы данной информации, она приобщается к делу либо вносится в протокол судебного заседания [1].

Различие в форме привлечения кадастрового инженера в качестве эксперта и специалиста заключается в том, что привлечение кадастрового инженера в качестве специалиста происходит без проведения специальных исследований, в то время как при привлечении в качестве эксперта проводится землеустроительная экспертиза.

Кадастровый инженер может быть привлечен в качестве свидетеля в гражданском процессе в случае, если ему известны обстоятельства, имеющие значение для

разрешения и рассмотрения дела. Например, он имеет непосредственное отношение к земельному спору, так как выполнял работы по установлению границ земельного участка: выезжал на местность для проведения замеров и подготавливал документацию для постановки участка на кадастровый учёт [1].

Судебная практика показывает проблемы разграничения форм участия кадастрового инженера в судебном процессе. Сложившийся порядок судопроизводства показывает, что зачастую кадастровый инженер, привлеченный в качестве специалиста, фактически выступает в качестве свидетеля. Такая позиция противоречит нормам позитивного права и нарушает права не только специалиста, но и иных участников судебного разбирательства.

Правовая неопределенность понятия «свидетель» в гражданском процессе создаёт проблему определения формы участия кадастрового инженера в судопроизводстве вследствие того, что, выступая в роли свидетеля при даче показаний, как правило, он опирается на профессиональный опыт и научно-технические знания, что характерно для специалиста, а не свидетеля.

Решение данной проблемы заключается не в переводе кадастрового инженера из статуса специалиста в статус свидетеля, а в обязательном назначении судебной землеустроительной экспертизы. Назначение судебной экспертизы подробно регламентировано в Гражданско-процессуальном кодексе РФ, а результаты экспертизы позволяют выяснить все обстоятельства дела, необходимые для принятия решения.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 15 июля 2015 г. N 138-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 N 221-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ (с изм. на 26.07.2019). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

СУДЕБНАЯ ЭТИКА, ЕЁ ИСТОРИЯ

Саая Н.-Б.Б.

Саая Начын-Белек Буянович – студент,
юридический факультет,
Тувинский государственный университет, г. Кызыл

Аннотация: судебная этика является важным элементом любых взаимоотношений между участниками суда и вне него. Важно знать историю её зарождения и развития в этой стране.

Ключевые слова: судебная этика, история этики, юриспруденция.

Судебная этика – это сфера конкретизации общих моральных представлений применительно к осуществлению правосудия, а также формирующиеся в этом поле специфические нравственные регулятивы, которыми руководствуются профессиональные участники судопроизводства (судья, адвокат, прокурор и т.д.).

Авторство термина принадлежит А.Ф. Кони. В 1901 г. он написал вступительную лекцию к читавшемуся им в Александровском лицее учебному курсу, которая впоследствии получила название "Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)", а в 1902 г. была опубликована в "Журнале министерства юстиции". Некоторые авторские добавления и развитие мысли применительно к постановке проблемы также обнаруживаются в другом докладе А.Ф. Кони – "Общие черты судебной этики", с которым он выступил на заседании Московского психологического общества 22 декабря 1901 г. [1].

А.Ф. Кони обосновывал точку зрения, согласно которой значение судебной этики может выявляться в таких аспектах как:

а) свод определенных норм, принципов, правил, регулирующих профессиональную деятельность в сфере права;

б) живая практика и отношения, объективно складывающиеся между участниками судопроизводства;

в) научная дисциплина, делающая этический аспект профессиональных требований и их применение предметом своего изучения;

г) специальный учебный предмет, выступающий в качестве неотъемлемого элемента общей подготовки будущих юристов.

Несмотря на достаточно солидный стаж использования этого понятия в юридической теории и практике, отношение к нему продолжает оставаться неоднозначным.

В 20–50-х гг. XX столетия в отечественной литературе упорно насаждалось мнение, согласно которому никаких особых нравственных норм, отражающих специфику определенных видов профессиональной деятельности, быть не должно. Официальная точка зрения состояла в том, что социалистическое общество в условиях роста его социальной однородности порождает общие интересы, цели, нормы социального поведения людей. Наличие норм групповой морали, отражающих специфику социальных условий жизни и деятельности отдельных категорий граждан, а следовательно, и наличие у них особых целей, категорически отрицалось. Из подобного рода установок логически вытекал вывод, что представители различных профессий, в какой бы сфере общественной жизни они ни были заняты, должны руководствоваться исключительно нормами социалистической нравственности. Такова, в частности, была позиция А.Я. Вышинского, занимавшего в 1930-е гг. пост Генерального прокурора СССР.

Ситуация изменилась на рубеже 1960–1970-х гг. Видным ученым-правоведом советской эпохи М.С. Строговичем была вновь поднята проблема необходимости выделения судебной этики в особую научную и учебную дисциплину. Благодаря

его усилиям и при личном участии была подготовлена одна из первых монографий, посвященных этому вопросу. В ней дано развернутое определение предмета указанной дисциплины. Для того чтобы получить об этом более полное представление, приведем его в полном объеме: "Судебная этика – это наука о применении норм морали, нравственности в специфических условиях деятельности судей, прокуроров, следователей, адвокатов, об осуществлении нравственных принципов и требований в расследовании и разрешении подведомственных суду уголовных дел" [2]. Свой вклад в разработку данной проблемы в разное время внесли А.Ф. Закомлистов, А.С. Кобликов, Л.П. Кокорев, Н.А. Комарова, Д.П. Котов, Н.А. Сидорова и др. В то же время, говоря о разработке проблематики судебной этики, следует иметь в виду, что позиция самого М.С. Строговича была противоречива.

Во-первых, он полагал, что судебная этика – это лишь наука о применении общих норм морали в специфических условиях деятельности юридических работников. Поэтому ни о каком видоизменении моральных требований применительно к профессиональной группе не может идти и речи.

Во-вторых, по его мнению, признание особых нравственных требований применительно к отдельным профессиям равнозначно ограничению или даже устранению применительно к этим видам юридической деятельности действия ряда общих норм нравственности.

В-третьих, он считал, что признание права на существование этих особых нравственных требований отразится падением уровня нравственных требований в жизни общества.

Имея в виду именно такого рода сомнения и предубеждения, Л.Д. Кокорев и Д.П. Котов двумя десятилетиями позднее писали: "Внимательный анализ профессиональных норм показывает, что они прежде всего возлагают на представителей той или иной профессии дополнительные нравственные обязанности, но ни в коем случае не дают им права нарушать какие-либо общие нравственные принципы и основные нормы" [3]. Н.А. Комарова и Н.А. Сидорова выделяют три специфические сферы, где проявляется регулятивное действие морали в сфере юриспруденции.

Во-первых, сферой прямого действия являются межличностные отношения, выходящие за рамки уголовно-процессуального и гражданско-процессуального регулирования. Таковы, например, отношение профессиональных участников (судьи, адвоката, прокурора) к людям, оказавшимся в силу разных причин вовлеченными в сферу судопроизводства.

Во-вторых, речь может идти об опосредованном регулировании – области проникновения морали в нормы действующего законодательства, включая его процессуальные ответвления (административное, гражданское, уголовное).

В-третьих, это сфера совместно-вспомогательного действия, когда мораль и право в его законодательной форме имеют один и тот же предмет регулирования, воздействуют на одни и те же отношения. Именно с этим мы сталкиваемся в деятельности юриста, чья профессиональная деятельность подвержена как правовому, так и этическому регулированию [4].

Прошедшие два десятилетия сопровождалась заметной активизацией усилий в анализе проблем, возникающих в деятельности представителей разных юридических профессий (адвокат, следователь, судья), а также оживлением интереса к тому, как и каким образом частные нормы и правила подчиняются общим представлениям о назначении правосудия, роли справедливости и целях, служению которым посвящают себя юристы-профессионалы. Благодаря наличию судебной этики как особого юридического института становится возможным выявить единую нравственную природу требований, которыми руководствуются участники судебного процесса при всей кажущейся разнонаправленности их усилий.

В отечественной литературе наряду с категорией судебной этики можно встретить, например, термин профессиональная этика юриста. Анализ того, как и в каком контексте он употребляется исследователями, позволяет сделать ряд выводов.

Так, распространена точка зрения, согласно которой судебная этика отождествляется исключительно с нравственными требованиями, предъявляемыми к деятельности судьи, председательствующего в процессе. Такой подход оказывается прежде всего неприемлемым по причине неоправданного ограничения предметного поля, подверженного регулятивному воздействию судебной этики. Термин "профессиональная этика юриста" преимущественно акцентирует внимание на особенностях этической регуляции, присущей разным юридическим профессиям. Отсюда становятся возможными такие понятия, как адвокатская этика и этика судьи, а равно судейская этика, в центре внимания которых оказывается свод этических норм и правил, принадлежащих именно указанным профессиям. В своей совокупности они образуют перечень видов специализированной деятельности, которые могут быть отнесены к ведению профессиональной юридической этики.

Судебная этика выступает в рассматриваемом случае как родовое понятие. Именно судебная система есть та сфера, которая, объединяя усилия представителей различных юридических профессий, в концентрированной форме выражает идеи законности и порядка. Поэтому судебная этика выполняет интегрирующую функцию по отношению к усилиям всех специалистов, профессионально занятых в юриспруденции.

Профессиональные требования, которыми руководствуются юристы, нередко подаются как набор инструментальных правил, призванных способствовать быстрейшему достижению максимального результата при наименьшем вложении сил и средств. Однако такого рода подход, реализуемый в ряде сфер социальной деятельности (политика, управление, экономика), перестает действовать, как только мы вторгаемся в сферу действия права.

Еще А. Ф. Кони, стоявший у истоков нового направления, прозорливо указывал, что будущим правоведам "следует изучать не только судебную технику и судебную практику, но и судебную этику, как учение о приложении общих понятий о нравственности к той или другой отрасли специальной судебной деятельности" [5]. Прошедшие десятилетия подтвердили его правоту. Здесь нет и не может быть простых и экономных решений. В сферу ответственности юриста, какова бы ни была его специализация, входят вопросы жизни и здоровья, определения будущей судьбы, защиты чести и достоинства, отстаивания интересов конкретных людей. Нравственным содержанием проникнуты основополагающие принципы правосудия – справедливость, независимость, беспристрастность. Вне этих принципов не может быть понят высокий смысл того, чему служит юрист, посвящая этому призванию нередко всю свою жизнь.

Сказанное позволяет нам сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, судебная система, объединяя усилия представителей различных юридических профессий, в концентрированной форме выражает идеи справедливости, законности, порядка. Поэтому судебная этика выполняет интегрирующую роль по отношению к усилиям всех, кто профессионально занят юриспруденцией.

Во-вторых, судебная этика, адаптируя моральные представления к сфере действия права, способствует формированию специфических нравственных требований. Это, например, обеспечение справедливости и всесторонности при рассмотрении дела судьей, соблюдение конфиденциальности в повседневной практике адвоката и нотариуса и т.д.

В-третьих, нормы судебной этики должны распространяться не только на уголовное, но и на гражданское судопроизводство. Это отвечает тенденциям роста гражданского оборота в условиях становления политической демократии и формирования рыночного хозяйства. Сказанное подтверждается деятельностью

адвокатов, специализирующихся в сфере гражданских правоотношений, и ролью нотариата, социальная значимость которого объективно будет повышаться.

Нравственные требования, обращенные к участникам судопроизводства, считает В.В. Леоненко, могут быть классифицированы по степени вовлеченности их (участников) в процесс [6]. Среди них он выделяет:

а) тех, для кого судебная деятельность является постоянной профессиональной обязанностью (адвокат, прокурор, судья);

б) экспертов, которые, имея специальные профессиональные познания, могут периодически привлекаться к участию в судебных заседаниях;

в) лиц, для которых участие в судебных процессах носит временный характер (присяжные);

г) граждан, участвующих в судебном разбирательстве эпизодически (свидетели, правозащитники, представители общественных организаций и др.).

Наивысшей значимостью нормы и принципы судебной этики обладают для представителей первой группы, так как именно они профессионально заняты в данной сфере деятельности. К ним, их моральному облику, профессиональному и внеслужебному поведению предъявляются близкие по характеру нравственные требования.

Список литературы

1. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 33–69; Традиции адвокатской этики: Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). СПб., 2004. С. 131-168.
2. Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговича. М. 1974. С. 13.
3. *Кокорев Л.Д., Котов Д.П.* Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 12.
4. *Комарова Н.А., Сидорова Н.А.* Судебная этика. СПб., 1993. С. 4.
5. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. С. 59.
6. *Леоненко В.В.* Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С. 35.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»**

**АДРЕС РЕДАКЦИИ:
153008, РФ, Г. ИВАНОВО, УЛ. ЛЕЖНЕВСКАЯ, Д. 55, 4 ЭТАЖ
ТЕЛ.: +7 (915) 814-09-51.**

**HTTPS://LEGALSCIENCE.RU
E-MAIL: INFO@P8N.RU**

**ТИПОГРАФИЯ:
ООО «ПРЕССТО».
153025, Г. ИВАНОВО, УЛ. ДЗЕРЖИНСКОГО, Д. 39, СТРОЕНИЕ 8**

**ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ОЛИМП»
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВАЛЫЦЕВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
108814, Г. МОСКВА, УЛ. ПЕТРА ВЯЗЕМСКОГО 11/2**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](https://www.scienceproblems.ru)
EMAIL: INFO@P8N.RU, +7(915)814-09-51

 РОСКОМНАДЗОР
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-62020

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

 Google
scholar

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям

Фонд ИТАР-ТАСС
РОССИЙСКАЯ
КНИЖНАЯ
ПАЛАТА

CYBER ENINKA

doi
INTERNATIONAL
DOI FOUNDATION

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»
В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССЫЛАЕТСЯ:**

1. Библиотека Администрации Президента Российской Федерации, Москва;
Адрес: 103132, Москва, Старая площадь, д. 8/5.
2. Парламентская библиотека Российской Федерации, Москва;
Адрес: Москва, ул. Охотный ряд, 1
3. Российская государственная библиотека (РГБ);
Адрес: 110000, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
4. Российская национальная библиотека (РНБ);
Адрес: 191069, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18
5. Научная библиотека Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва;
Адрес: 119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, Научная библиотека

ПОЛНЫЙ СПИСОК НА САЙТЕ ЖУРНАЛА: [HTTPS://LEGALSCIENCE.RU](https://legalscience.ru)

ISSN (print) 2412-8228
ISSN (online) 2541-7800

Вы можете свободно делиться (обмениваться) — копировать и распространять материалы
и создавать новое, опираясь на эти материалы, с ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ указанием авторства.
Подробнее о правилах цитирования: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.ru>

ЦЕНА СВОБОДНАЯ